

УДК 101.1+ 930.1

Философия истории и историография: презумпция диалога

О. В. Новикова, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена экспликации взаимосвязи философии и исторической науки. Цель исследования — анализ специфики предмета и структуры исторического знания в интерпретациях философов и историков. Автор уделяет внимание противоречивому характеру влияния классической философии истории на становление научной историографии. Приводятся типологии истории как части социально-гуманитарного знания, выдвинутые философами классической эпохи и современности. Рассматриваются ключевые моменты развития современной философии истории, и прослеживаются точки соприкосновения ее с исторической наукой. Выявляется специфика философского и исторического знания, раскрывается потребность в альянсе философии истории и исторической науки.

Ключевые слова: история, историография, историческая реальность, человек, метод, типология социального знания, виды истории, диалогизм в познании.

Philosophy of History and Historiography: the Presumption of Dialogue

O. V. Novikova, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article is devoted to the explication of the relations between Philosophy and Historical Science. The target of research concerns to the subject and structure of the Historical Science in philosophical and historical narratives. The author emphasizes the contradictions in the way that the classical Philosophy of History influenced the foundation of the Historical Science and exhibits the typologies of History as the part the humanities and social studies, issued by classic and modern philosophers. The author takes under consideration the main points of evolution of contemporary Philosophy of History and explicate the particularities of the Philosophy and History such as the need for combination of the Philosophy of History and Historical Science.

Keywords: History, Historiography, historical reality, person, method, typology of social knowledge, types of History, dialogism in cognition.

*История — то происходящее,
которое, пересекая время, уничтожая его,
соприкасается с вечным.*

Карл Ясперс

Прошлое всегда интересовало человека, поскольку его изучение — это не только возможность соприкосновения с вечностью, но и возможность соприкоснуться с грядущим, а значит, ощутить себя связующим звеном в исторической связи прошлого, настоящего и будущего. Что может явиться методологической основой исследования исторической социодинамики? Ответ очевиден — человек, без которого, по известному выражению, «мир не полон». Именно человек является центральной фигурой истории — и как ее творец, и как ее исследователь. Роль человека в истории проявляется в трех основных аспектах.

- Во-первых, как участника событий. В данном случае человек является одновременно и дей-

ствующим лицом, и носителем исторической памяти. Это позволяет ему знать социально-культурный контекст происходящего, однако не гарантирует объективности познания по причине личной ангажированности.

- Во-вторых, как историка — исследователя прошлого; эта роль предполагает наличие определенного временного интервала между изучаемыми событиями и настоящим.
- В-третьих, как аналитика событий прошлого, находящегося *за пределами исторической науки* и стремящегося с философских позиций осмыслить сущность исторического процесса и глобальный смысл происходящего. Эти вопросы, значимые для осмысления мировоззренческих и общеметодологических проблем социально-исторического развития, чаще всего остаются вне поля зрения профессиональных историков, но привлекают внимание

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

философов. Поэтому важно установить, как связаны подходы к изучению истории, характерные для деятельности историографов, в частности, профессиональных историков, и философов истории.

Взаимоотношения историографов — специалистов, изучающих историю исторической науки, и философов начали складываться давно и имели неоднозначный характер. Для возникновения философии истории требовалось наличие определенных факторов: динамизма общественного развития, существования специализирующегося на его изучении философского знания, а также способного подняться до уровня рефлексии исторического сознания. Необходимо было также появление идеи человека как активной и свободной личности — действующего лица, «творца истории», которая связывала бы воедино эти факторы.

Эти факторы отсутствовали в культуре Древнего Востока с характерным для нее традиционализмом и консерватизмом образа жизни. Так, в Древней Индии возникает идея «колеса истории», а в Древнем Китае — идея «возвращения имен». Обе они характеризуют *циклизм* в рассмотрении способа социального бытия. Для древнекитайской цивилизации было свойственно почитание древности, означавшее уважение традиции, но не было характерно чувство исторического времени. Бытие в вечности, а не во времени соответствует духу древнекитайской философии.

В целом для воззрений на развитие общества, существовавших в Древнем мире, как в восточном, так и в античном, характерен космоцентризм. История оказывается погруженной в вечность, в которой отсутствует «связь времен», а формой динамики событий становится круговорот, поскольку общество рассматривалось как составная часть природного космоса, а его развитие подчинялось природным закономерностям. Таким образом, «природный историзм» мышления — это натуралистическая интерпретация событий, не позволяющая выработать философскую конструкцию исторического процесса. Почему? Этому не способствовало состояние самого исторического сознания. У Геродота, которого считают «отцом истории», в повествованиях история распадается на отдельные, хронологически не связанные между собой картины. В частности, австрийский историк Э. Калер отмечает, что Геродот, как и другие историки Древней Греции, для которых история была живым, личным опытом, «всё еще разбавляли географию и этнографию рассказами о приключениях в заморских странах. В этом изначальном значении слова *historia* представляется разновидностью историографии, которую современные ученые не прочь назвать научной...»

[1, с. 18]. Может показаться парадоксальным, но древняя историография не выработала принцип историзма, предполагающий рассмотрение общества как развивающейся и изменяющейся во времени действительности.

Связь античной историографии с философией носила односторонний характер — античная история лишь дополняла философские рассуждения, придавая им иллюстративный и нравоучительный характер. Эти особенности античной историографии, по замечанию английского историка лорда Г. Болингброка, нашла отражение в словах Дионисия Галикарнасского: «История — это философия, которая учит нас с помощью примеров» [2, с. 11].

Традиционализм и консерватизм античного образа жизни нашли воплощение в утопизме социальных идеалов древних греков. Это проявилось в попытке Платона воплотить на практике проект идеального государства, противоречащий его учению о несовместимости двух миров — мира идей и мира вещей, выявив размытость чувства исторического времени. В мировосприятии древних греков между настоящим и будущим нет принципиального различия, как нет непроходимого барьера между ними и прошлым — «золотым веком», когда идеал справедливого общества уже был воплощен в качестве нормативной ценности.

Таким образом, историография и философия Древнего мира существовали порознь, и для философии исторические повествования выполняли иллюстративно-пояснительную и воспитательно-дидактическую роль.

Значительным шагом к философскому осмыслению развития общества явилось создание средневековой теологии истории, отказавшейся от циклической модели «вечного возвращения». Вместо нее утверждается линейно-поступательная интерпретация мировой истории, составляющая суть христианской идеи истории. В итоге период распада цельности мира, связанный с крушением античного космоцентризма — по выражению М. Бубера — период «бездомности» человека, сменяется периодом «обустроенности» нового, христианского, мира, который воспринимается человеком как уютная домашняя обитель. «Схема этого образа мира — крест, вертикальная перекладина которого есть конечное пространство от небес до преисподней, и проходит она посреди человеческого сердца; поперечная же перекладина являет собой конечное время от сотворения мира до последнего его дня, причем центр этого времени — смерть Христова, всепокрывающая и всеискупительная, приходится на самое средоточие пространства — сердце бедного грешника» [3, с. 167]. В теологии Августина история перестает быть простой чередой событий, жизнь

человека приобретает ценность, а существование человечества — смысл.

Однако подлинное рождение светской философии истории — дело XVIII в., когда благодаря усилиям Дж. Вико, И. Г. Гердера, Вольтера и других французских философов-просветителей, а также создателей немецкой классической философии И. Канта, Г. Гегеля оформляется принцип историзма и появляется философско-историческое понимание общества.

В это же время закладываются предпосылки для возникновения научной историографии, что во многом было связано с кризисом классической философии и началом институционального оформления наук об обществе. Так, у Г. Гегеля обнаруживается противоречие между его теоретической схемой истории, имеющей характер метафизической конструкции, и историографией, призванной содержательно наполнить эту схему. Это противоречие не прошло мимо внимания историков и в последующем стало одной из причин ответной реакции отторжения ими классической философии истории. Но при этом из поля их внимания выпало то обстоятельство, что Гегель проделал огромную селективную работу по классификации и оценке фактов из истории народов и на этой основе осуществлял теоретический синтез конкретного материала. «Строгость отбора — потрясающая; как мало остается от мира в качестве имеющего значения! И решающим моментом в этом избрании народов в бытии является содержание и глубина смысла, всегда тождественного самому себе и приобретающего новую индивидуальную прелесть в сфере форм своего сознания. Героична и тяжела поступь мирового духа в этих немногих избранных проявлениях, подъем его захватывает дух» [4, с. 227].

Господствовавшее мнение, что классическая философия истории строила схемы общественно-исторической динамики умозрительным путем, не базируя свои концепции на конкретных исследованиях, послужило основой для критики классической философии истории. Неприемлемой для развивающейся научной историографии стала патерналистская установка классической философии истории, трактующая философию как «науку наук», о статусе которой недвусмысленно говорят слова И. Фихте: «Философ, который занимается историей в качестве философа, руководится при этом априорною нитью мирового плана, ясного для него без всякой истории; и историей он пользуется отнюдь не для того, чтобы что-нибудь доказать посредством последней (ибо его положения доказаны уже до всякой истории и независимо от нее), а только для того, чтобы пояснить и показать в живой жизни то, что ясно и без истории» [5, с. 356]. Эта

дисгармония философии истории с историографией затрудняла взаимопонимание философов и историков эмпирической ориентации, которым была чужда абстрактность и рассудочность исторических конструкций философов.

Более близкими для них оказались философско-исторические новации немецкой исторической школы, представители которой — Л. фон Ранке, А. Мюллер, В. Гумбольдт, А. Гримм, И. Г. Дройзен — разрабатывали проблему специфики метода исторического познания, отличающей его от методов исследования природных объектов. Л. фон Ранке одним из первых историков сформулировал задачу исторической науки, связав ее с принципом индивидуализации изучаемых явлений. В частности, он писал: «Я же утверждаю: каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я». Благодаря этому рассмотрение истории, именно индивидуальной жизни в истории, получает совершенно особую привлекательность: каждая эпоха должна быть рассматриваема как нечто, имеющее цену само по себе, и является в высшей степени достойной рассмотрения» [6, с. 297].

Следовательно, в понимании немецкого ученого, задача истории — «лишь показать, как все происходило на самом деле». Ее решение предполагает строго документальное описание свершившихся событий, исключающее любые интерпретации. Но вопрос о том, достижима ли заявленная цель и правомерно ли рассматривать историю как «учительницу жизни», закрепляя за ней функцию нравоведения, породил разные мнения. Если сам Л. фон Ранке в духе популярного в то время позитивизма исключал возможность плюрализма исторических версий происходившего в прошлом, то решение поставленной проблемы другими представителями данной школы не было столь однозначным. Их взгляды на методологию исторического познания претерпели существенную трансформацию, все более приближаясь к признанию *понимания* как специального методологического приема постижения, связанного с интуитивным проникновением в ткань исторических событий и мотивационно-волевою сферу участников исторического процесса. Таким образом, в научной историографии вызревала еще одна гносеологическая проблема — проблема объективности исторического знания.

Решая ее, И. Г. Дройзен пришел к выводу об иллюзорности точной реконструкции прошлого, поскольку историк погружен в социально-культурную среду, отличающуюся от той, в которой жили и действовали творившие историю люди, и его понимание прошлого всегда будет определяться со-

временными интересами и нормативными установками. Однако присущая национальной культуре общность ценностей и самого «духа» каждого отдельного народа делает возможным использование методологии понимания как специфического средства исторического познания. Поэтому в качестве ответной реакции на методологический диктат классической философии в середине XIX столетия метафизические проблемы истории объявляются несостоятельными, присущая философско-исторической мысли интерпретация истории через ценностно-смысловые мотивации человеческой деятельности ставится под сомнение, а сама историческая реальность сужается до совокупности артефактов — результатов человеческой деятельности. Из поля зрения научного исторического познания исчезают проблемы, артикулирующие историю как социально-культурный процесс, рассмотрение человеческой жизни подчиняется аналогии с «логикой вещей», а прогресс истории ассоциируется с научно-техническим прогрессом, что приводит к возникновению «антропологического кризиса» в философии истории.

Таким образом, на становление научной историографии и исторической науки в целом оказала заметное влияние философия истории, хотя это влияние было неоднозначным и характер их корреляции изменялся. Что же касается предмета *современной философии истории*, то он предполагает рассмотрение природы исторического процесса, анализ фундаментальных принципов исторического бытия, исследование механизмов и закономерностей исторического развития социума, его смысла и назначения, а также осуществление рефлексии над самим историческим познанием. При этом важно иметь в виду, что изучаемые исторические законы — это законы деятельности субъектов — людей, созданных ими учреждений, организаций, объединений — деятельности, которая носит сознательный характер. Вследствие этого люди способны влиять на характер проявления действия общественных законов. В общественной жизни действие объективных законов происходит в форме тенденций — они обладают вариативностью проявления в зависимости от выбора людьми целей и условий деятельности. Следовательно, законы общественной жизни предстают одновременно и как законы общественной деятельности людей, и как ее объективации: результаты деятельности *отчуждаются* — человек теряет над ними контроль, и они начинают «жить» независимо от него. Показательным в этом отношении является определение К. Марксом истории как естественно-исторического процесса, осуществляющегося объективно и закономерно, независимо от воли и желания идей.

С другой стороны, история, как отмечали в одной из своих ранних работ К. Маркс и Ф. Энгельс, есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [7, с. 102]. В этом имеющем, на первый взгляд, амбивалентный и даже противоречивый характер понимании сущности исторического процесса логического противоречия на самом деле нет, если мы примем во внимание, что само общество является объективно-субъективной реальностью.

Тот факт, что предмет философии истории неоднороден, и она изучает не только жизнь социума, но и особенности бытия в нем человека, имеет объяснение — социальная философия, компонентом которой является философия истории, связана как с социальными, так и с гуманитарными науками, имеющими разные задачи. Предмет обществоведческих дисциплин — социологии, экономики, политологии — предполагает раскрытие объективных законов общества как особой реальности, не сводимой к существованию отдельных людей. Предметом же гуманитарных наук является исследование мотивов и смыслов деятельности, целей и ценностей бытия человека в этом обществе, а также результатов его деятельности, воплощающихся в содержании произведений литературы и искусства, других форм духовной культуры.

Допустим, один из лидеров баденской школы неокантианства Г. Риккерт считал исторические науки идеалом гуманитарных наук. Такой вывод основывался на утверждении, что эти науки используют в «чистом виде» индивидуализирующий и описывающий метод познания событий, предполагая раскрытие мотивационных факторов деятельности и ценностно-смысловых параметров человека как личности в обществе. Свою методологическую позицию неокантианец сформулировал категорично: «История *не хочет генерализировать* так, как это делают естественные науки» [8, с. 74].

Советские философы В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон предложили близкую типологию социального знания. Она включает, во-первых, социологический тип, подобный естественнонаучному типу, при котором «внимание сосредоточивается на *объективном начале общества, объективных закономерностях и детерминантах*». Во-вторых — гуманитарный тип знания, в рамках которого вырабатываются методы индивидуализированного описания духовной стороны жизни человека. Авторы отмечают, что «границы между этими типами знания подвижны и они могут объединяться в рамках одной науки. Примером такого соединения, по их мнению, является историческая наука, которая не только опирается на объективные закономерности, но и дает описание событий в их неповторимости и индивидуальности» [9, с. 31—32].

Конечно, освещение вопроса о дисциплинарном статусе исторической науки не сводится только к данной точке зрения. В частности, Ф. Ницше отмечает, что историю надо изучать, ибо она связана с жизнью и не является, подобно математике, «чистой» наукой: «История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории» [10, с. 168]. Монументальная история, отмечает он, для деятельных людей предстает как «учитель жизни». Она воодушевляет их на подвиги, но может и вводить в заблуждение, превращать в эгоистов, мечтательных злодеев и фанатиков. Антикварная история характерна для почитателей и охранителей старины, противящихся ее новым интерпретациям, — этот вид истории вызывает у немецкого философа, не отрицающего ее пользу, все же скептическое отношение. А вот критическая история, по мнению Ф. Ницше, занимает особое место в исторической памяти человечества, ибо «всякое прошлое достойно того, чтобы быть осужденным — ибо таковы уже все человеческие дела: всегда в них мощно сказывались человеческая сила и человеческая слабость». Автор предостерегает против «беспощадной, тем более несправедливой критики», подчеркивая, что она нужна, чтобы, отправляясь от нее, «забыть то, что было, и исходить из того, что есть» [10, с. 178].

Развернутую классификацию видов истории предлагает Г. Гегель, выделяя три основных вида историографии: первоначальную, рефлексивную и философскую историю. «Что касается первой, — пишет он, — то, чтобы тут же дать конкретный образ, я назову для примера имена Геродота, Фукидида и других подобных им историков. Эти историки описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события и состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне» [11, с. 57]. Говоря о втором виде истории — рефлексивном, он отмечает, что «это такая история, изложение которой возвышается над современной эпохой не в отношении времени, а в отношении духа», и различает четыре его подвида: всеобщую историю (обзор истории определенного народа, страны или мира в целом), прагматическую историю, которая «снимает прошлое и делает события современными», критическую историю, в которой дается оценка исторических повествований на предмет их достоверности, а также историю искусства, права и религии.

Что же касается философии истории, то здесь, отмечает Г. Гегель, «мы имеем дело лишь с идеей духа и рассматриваем во всемирной истории все лишь как его проявление, мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует» [11, с. 125]. Таким образом, продолжая начатый в двух других видах истории анализ, философская история осуществляет рассмотрение сущности происходивших в прошлом событий с позиций современности, устанавливая тем самым своеобразное *диалогическое* отношение между ними.

Если же рассматривать классификации, используемые в современной историографической и философско-исторической литературе, то в них обращается внимание на разноплановый характер исторической науки, включающей в себя всеобщую историю, историю определенных периодов общественной жизни, историю континентов, отдельных стран, народов и т. д. Однако в контексте нашего рассмотрения особый интерес представляет вопрос об объекте и предмете исторической науки.

В частности, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, говоря об исторически сложившихся фундаментальных областях общественнознания, наряду с философско-социологическим знанием, сферой конкретных общественных наук относят к *самостоятельной сфере* историческое знание, предметом которого, по их мнению, является «вся реальная история человечества» [9, с. 8]. В свою очередь, с точки зрения А. И. Ракитова, «объектом исторической науки является история, понимаемая как прошлое развитие человечества. Это развитие подчиняется особым объективным законам» [12, с. 233].

Обратим внимание на характеристику предмета и целей исторической науки, свойственную историкам. Так, по мнению русского историка В. О. Ключевского, содержанием истории как науки является процесс, представляющий собой ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах [13, с. 14]. Позиция британского историка и философа Р. Дж. Коллингвуда отражена в словах: «Каждый историк, как мне кажется, согласился бы с тем, что история — это разновидность исследования или поиска... Наука — это поиск, и в этом смысле история — наука» [14, с. 12—13]. Коллингвуд подчеркивает специфику исторического познания: оно не просто фиксирует, но понимает, интерпретирует и переосмысливает прошлое. Современный российский историк М. Ф. Румянцев различает понятия массового исторического сознания и профессиональной историографии. При этом под профессиональной историографией автор понимает

«специальную осознанную деятельность по получению научного, т. е. полученного *на основе отрефлексированного метода* и, следовательно, *верифицируемого* знания о человеке и обществе в историческом целом» [15, с. 9]. Таким образом, и у Коллингвуда, и у Румянцевой историческое познание предполагает рефлексию и переосмысление прошлого.

Еще одна точка зрения представлена М. А. Баргом, который говорит о трех этапах развития исторического знания. Первый характерен для архаической эпохи, когда только формировались навыки воспроизводства исторического опыта. Второй этап связан с передачей вначале в устной, а затем письменной форме мифологических сюжетов, сказаний, преданий, жизнеописаний и т. п. Третий этап представлен становлением и развитием исторической науки как формы исторической памяти. При этом Барг, характеризуя специфику исторического познания, подчеркивает, что оно носит не просто репрезентативный характер, воспроизводя и рассматривая события прошлого, а определяется социально-культурными условиями, в которых оно осуществляется. По его словам, историки «специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но и, того не сознавая, запечатлевают и себя и тем самым свое время — горизонты его видения и способы выражать увиденное» [16, с. 15]. Сказанное означает, что историческое познание по своей природе действительно *диалогично*, предполагая интерпретацию событий прошлого в контексте современности.

В научно-исторической литературе существуют и другие определения предмета исторической науки. Общим у них является признание того, что историческая наука предполагает изучение прошлого человеческого общества в его конкретных формах и пространственно-временных измерениях с целью установления закономерностей развития общества или его сфер для лучшего понимания настоящего и тенденций развития человечества в будущем.

Можно заключить, что философия истории не претендует на сферу интересов социально-гуманитарных наук. Она предполагает изучение того общего, что составляет глубинные основания и фундаментальные закономерности общественной жизни, а также того, что составляет ценностные приоритеты бытия человека в исторически изменяющемся мире.

Что же характерно для философии истории как специфической формы осмысления общества и его динамики? Каков характер ее связи с современными социально-гуманитарными науками, в частности, с историей? Чтобы ответить на эти вопросы, обратим внимание на следующие две важные особенности, присущие философии в целом и опреде-

ляющие социально-культурный статус философско-исторического знания в частности.

Во-первых, наличие у философии двух взаимосвязанных, но автономных задач — *эпистемной*, выражающейся в стремлении к достижению истинного представления о мире, и *софийной*, воплощающейся в оценочных рассуждениях о сущности и значении происходящего в нем. Итогом решения первой задачи является претендующее на объективный характер результатов познания действительности *знание*, второй — *мнение*. И хотя *мнение* считалось «темным», искажающим истину и даже, по выражению Демокрита, «незаконнорожденным» знанием, его наличие рассматривалось как проявление близости философии к обыденной практике человека и его чувственно-эмоционального отношения к жизненным событиям. Применительно к философии истории эта ситуация означает, что для нее, в отличие от исторической науки, естественно (и позитивно) сосуществование различных стратегий познания и теоретических моделей общества.

В этой парадоксальной для конкретно-научного знания ситуации проявляется богатство плюрализма социальной философии, позволяющей с различных концептуальных позиций рассмотреть социодинамику, не претендуя на единственно верный и окончательный диагноз. В этой связи обратим внимание на такую специфическую особенность философии, как способность к *рефлексии*, которая связана с осмыслением сложных, диалектически противоречивых и не имеющих однозначного решения социальных проблем. По этому поводу известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал: «От философии не отделимо требование занимать теоретическую позицию при рассмотрении любой проблемы — не обязательно решать ее, но тогда убедительно доказывать невозможность ее решения. Этим философия отличается от других наук. Когда последние сталкиваются с неразрешимой проблемой, они просто отказываются от ее рассмотрения. Философия, напротив, с самого начала допускает возможность того, что мир сам по себе — неразрешимая проблема» [17, с. 79]. Иными словами, философия истории не может игнорировать мировоззренческие проблемы, которые являются «вечными», поскольку в процессе размышления над ними человек утверждает себя как мыслящая и духовно зрелая личность.

Во-вторых, отличительной особенностью философии истории, как и философии в целом, является существование у нее двух взаимообусловленных подходов к познанию мира, определение которых восходит к Аристотелю и комментатору его сочинений Андронику Родосскому. Речь идет

о познании «*физическом*», нацеленном на регистрацию, описание и обобщение результатов изучения воспринимаемых явлений и процессов, и *метафизическом*, предполагающем выход за пределы эмпирической конкретики и обращение к сущности происходящего в мире — выход к «предельным основаниям бытия».

В изучении истории общества первый путь является прерогативой конкретных социально-гуманитарных наук и, в частности, историографии. Второй путь заключается в познании общественного бытия как такового — постижении сущности происходящих в любых сферах общества процессов, образуя предмет социальной метафизики. Обращение к метафизическому измерению общества имеет важное методологическое значение, позволяя глубже рассмотреть изучаемый объект.

Следовательно, философия обращается к метафизическому осмыслению исторического развития общества не как к самоцели, а как к средству более глубокого понимания происходящего, что предполагает принципиальное единство философии и историографии. Поэтому еще одна задача философии истории заключается в рассмотрении того, *как* характерные для общества сущностные свойства проявляются в отдельных областях исторической динамики общества. Это знание представлено в фактическом материале, эмпирических обобщениях и дисциплинарных — историографических — концепциях, опираясь на которые, социально-метафизические проекты приобретают конкретное содержание.

В итоге достигается комплементарность двух отмеченных особенностей социально-философского знания о мире социального, позволяющая дать глубокую и конкретную картину общественной жизни, приблизившись к идеалу гармонии «физического» и метафизического, событийного и бытийного понимания социально-исторической реальности.

Стратегической задачей социально-философского и философско-исторического познания выступает, с одной стороны, познание конкретных общественных явлений, дающее возможность *раскрыть сущность социального* и постигнуть закономерности общественных процессов. С другой стороны, их задача состоит в том, чтобы на основе раскрытия этой сущности рассмотреть, *как она проявляется* в различных сферах общественной жизни и характерных для них видах общественной деятельности, формах организации и социальной коммуникации.

В этой связи интерес вызывают размышления известного французского философа Р. Арона. Он, отмечая, что «во всяком историческом описании

имеются некоторые элементы философии истории», артикулирует отличия и даже, по его выражению, противоположность в историческом и философско-историческом мышлении. Он пишет: «Мне кажется, что противоположность, связанная с сущностью, имеет двоякий характер: с одной стороны, она связана с масштабом объекта: философ всегда имеет в виду целое, а ученый — часть. С другой стороны, даже когда историк пишет всеобщую историю и, следовательно, берется тоже за целое, он стремится не выходить за пределы фактов, он старается извлечь из самого материала основные пункты своего изложения, он хочет определить не истину человеческого развития, а просто реальность становления» [18, с. 14].

Таким образом, общими у философии истории и исторической науки является объект изучения — общество во всем многообразии форм его развития. Различие же состоит в предметных областях познания и характере его концептуализации. Если в историко-научном познании исследуют конкретный вид реальности — историческую реальность, то в философском познании оперируют понятием социальной реальности, обладающим высоким уровнем абстрактности. При этом философское познание с необходимостью опирается на дисциплинарные исторические исследования.

Следовательно, можно говорить о двух дополняющих друг друга путях познания общества — философском и научном, для которых характерно различие в задачах и проблемных полях его исследования. Так, для философии особое значение имеет раскрытие сущности общественных процессов и анализ фундаментальных особенностей социального бытия, внимание к наиболее общим закономерностям общественно-исторического развития, обращение не только к современным, но и к «вечным» проблемам существования человека в обществе. Принципиальным для нее является признание плюрализма знаний о социуме, значимости не только знания, но также мнений и оценок происходящего в мире, в которых проявляются различные мировоззренческие позиции мыслителей.

Для исторической науки на первом месте стоит изучение происходящих в отдельных сферах общественной жизни явлений и процессов и раскрытие характерных для них закономерностей. При этом приоритетным является рассмотрение актуальных и практически значимых проблем социодинамики, достижение объективно-истинного знания, обладающего статусом «общепризнанной достоверности» и лишенного личностной окрашенности. Можно сказать, что если для философского знания как особой формы духовной культуры каноны научной рациональности являются ориентирами

и идеалами, то для научного знания соответствие им обязательно и является нормой.

В заключение отметим, что различие в предметных областях познания и характере концептуализации знания в философии истории и исторической науке не мешает диалогу представителей этих сфер духовной деятельности. Наоборот, диалог ученых-историков и специалистов в области философии истории призван способствовать взаимному обогащению как в рассмотрении философско-методологических проблем исторического познания, так и оперативной адаптации результатов исследований в исторической науке современной философией истории.

Список цитированных источников

1. Калер, Э. Избранное: Выход из лабиринта / Э. Калер. — М., 2008.
2. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Г. Болингброк. — М., 1978.
3. Бубер, М. Проблема человека. Два образа веры / М. Бубер. — М., 1995.
4. Трёлльч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёлльч. — М., 1994.
5. Фихте, И. Г. Основные черты современной эпохи: сб. / И. Г. Фихте. — Минск, 1998.
6. Ранке, Л. фон. Об эпохах новой истории / Л. фон Ранке // Историки и история: жизнь, судьба, творчество: в 2 т. — М., 1998. — Т. 2.
7. Маркс, К. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. — М., 1955—1981. — Т. 2.
8. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. — М., 1998.
9. Келле, В. Ж. Теория и история (проблемы теории исторического процесса) / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. — М., 1981.
10. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. — М., 1990. — Т. 1.
11. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993.
12. Ракитов, А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М., 1982.
13. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // Соч.: в 8 т. — М., 1956—1959. — Т. 1, ч. 1. — 1956.
14. Коллингвуд, Р. Дж. Идея Истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М., 1980.
15. Румянцев, М. Ф. Теория истории: учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. — М., 2002.
16. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. — М., 1987.
17. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. — М., 1991.
18. Арон, Р. Избранное: измерения исторического сознания / Р. Арон. — М., 2004.

Дата поступления в редакцию: 12.09.2016 г.